

ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ

Кіевской Духовной Академіи.

1914.

Апрѣль.

I.	Арнобія семь книгъ противъ язычниковъ (<i>Adversus nationes</i>).
Н. М. Дроздова	161
II.	Слово во вторую недѣлю великаго поста, при воспоминаніи
страстей Христовыхъ. О совершенной любви. Прот. Н. С. Гроссу.	I
III.	Слово въ пятокъ третьей седмицы великаго поста, при вос-
поминаніи страстей Христовыхъ. О мѣшкѣ, сумѣ и мечѣ.
Свящ. Т. І. Лященко	X
IV.	Законъ ужичества или левиратный бракъ у древнихъ евре-
евъ. Свящ. А. А. Глаголева	519
V.	Библейскій греческій языкъ въ писаніяхъ Ветхаго и Новаго
Завѣта. Проф. Н. Н. Глубоковского	541
VI.	Евгеній Болховитиновъ, какъ митрополитъ Кіевскій. С. М.
Карпова	561
VII.	Къ вопросу объ антиохійскомъ соборѣ 324 года и о „вели-
комъ и священномъ соборѣ въ Анкирѣ“. Свящ. Д. А. Лебедева.	585
VIII.	Сіонъ (Церковно-археологическій экскурсъ). Прот. К. Фоменко.	602
IX.	Критика и библиографія. 1) А. П. Доброклонскій. Преп. Тео-
доръ, исповѣдникъ и игуменъ студійскій. 1 часть. Его эпо-
ха, жизнь и дѣятельность. Прот. Н. Г. 2) М. Д. Приселковъ.
Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси
X—XII вв. В. З. Завитневича	614
X.	Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ . . .	652

Въ приложеніи:

XI.	Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Императорской Кіевской
Дух. Академіи за 1912—1913 учебный годъ.	481
XII.	Обращеніе ко всѣмъ бывшимъ воспитанникамъ Император-
ской Кіевской Духовной Академіи.	
XIII.	Оглавленіе 1-го тома „Трудовъ Императорской Кіевской Дух.
Академіи“ за 1914-й годъ.	

К І Е В Ъ.

Критика и Библиографія.

I.

А. П. Доброклонскій. *Преп. Θεодоръ, исповѣдникъ и ижеменъ студійскій. I часть. Его эпоха, жизнь и дѣятельность.* Одесса. 1913 г. XX + 972 + XC + 10. Цѣна 5 руб.

Проф. Новороссійскаго университета А. П. Доброклонскій только что выпустилъ въ свѣтъ, подъ приведеннымъ заглавіемъ, свой обширнѣйшій трудъ по исторіи греко-восточной Церкви, давно ожидаемый русскою наукою. Трудъ этотъ выполненъ авторомъ съ соблюденіемъ всѣхъ современныхъ научныхъ требованій. Въ немъ все носитъ на себѣ отпечатокъ глубокаго пониманія эпохи преп. Θεодора Студита и самаго обстоятельнаго изученія его многосложной и многоплодной дѣятельности. Всѣ свои сужденія и выводы изслѣдователь основываетъ на прочныхъ историческихъ данныхъ, добытыхъ путемъ критическаго анализа безчисленнаго множества документовъ. О преп. Θεодорѣ Студитѣ въ послѣднія два десятилѣтія появилось не мало монографій какъ въ иностранной, такъ и въ отечественной церковно-исторической литературѣ. Многое въ его жизни и дѣятельности уже въ достаточной степени освѣщено и представлено въ надлежащей исторической перспективѣ, но многое также остается не вполне обслѣдованнымъ и потому неяснымъ. А. П. Доброклонскій сумѣлъ въ отношеніи перваго сказать свое вѣское слово, а въ отношеніи втораго обогатить науку новыми при-

обрѣтеніями. Онъ обратилъ прежде всего вниманіе на изображеніе эпохи преп. Θεοδора, и справедливость требуетъ сказать, что картина религіозно-церковной жизни и нравственнаго состоянія Византіи въ вѣкъ иконоборства у него вышла яркая, выпуклая; на многія детали біографіи знаменитаго студійскаго игумена она бросаетъ сильный свѣтъ и облегчаетъ читателю пониманіе въ этой біографіи того, что на первый взглядъ можетъ показаться непонятнымъ. Далѣе, авторъ выяснилъ вопросъ объ источникахъ для біографіи преп. Θεοδора и о состояніи литературы предмета. Здѣсь мы съ удовольствіемъ должны отмѣтить, что онъ изучилъ рукописныя сокровища нашихъ и заграничныхъ книгохранилищъ, напелъ въ нихъ много новаго матеріала и потому оказался въ состояніи весьма широко поставить задачи своего изслѣдованія. Подготовивши читателя путемъ тщательнаго обсужденія всѣхъ т. н. предварительныхъ вопросовъ, проф. Доброклонскій съ 285 стрн. начинается обстоятельнѣйшее изложеніе свѣдѣній о жизни и дѣятельности преп. Θεοδора. По сравненію съ предшествующими работами въ этой области, мы находимъ здѣсь болѣе подробныя трактатіи разныхъ біографическихъ и историческихъ деталей, болѣе обширныя выдержки изъ документовъ, болѣе обстоятельное выясненіе разныхъ хронологическихъ и географическихъ вопросовъ и весьма значительное количество экскурсовъ частнаго характера, хотя и не всегда имѣющихъ непосредственное отношеніе къ главному предмету изслѣдованія, но во всякомъ случаѣ кажущихся нелишними. Въ заключеніи А. П. Доброклонскій даетъ общую характеристику преп. Θεοδора и уясняетъ вопросъ о вліяніи его жизни и дѣятельности на послѣдующіе вѣка, для чего сообщаетъ свѣдѣнія изъ исторіи студійской обители послѣ 826 года. Въ приложеніяхъ напечатанъ текстъ новыхъ, впервые издаваемыхъ авторомъ документовъ, именно—1) *Εἰς τὴν ἀνακριδῆν καὶ κατὰ θεοῦ τῶν λειψάνων τ. ὁ. π. ἡ. καὶ ὁμολ. Θεοδώρου* (по ркп. Париж-Труды Императорской Кіевск. Дух. Академіи. Т. I. 1914 г. 40

ской націон. библи., № 1456 gr.), 2) Στίχοι τοῦ Μέλητος, πρὸς τὸν ἁγ. π. καὶ ὁμολ. Θεόδωρον ἡγουμένον τοῦ Στουδίου (по ркп. Бодлеян. библи. № 27) и βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁ. π. ἡ. καὶ ὁμολ. Θεοδώρου ἡγουμένου τῶν Στουδίου (по ркп. изъ собранія Севастьянова, № 520 Рум. музея), а также представлена сравнительная таблица подлинныхъ текстовъ относительно преп. Θεοδора Ст. изъ византійскихъ хронографовъ.

Высоко цѣня общіе результаты научнаго изслѣдованія проф. А. П. Доброклонскаго, мы тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ сдѣлать два-три краткихъ замѣчанія относительно нѣкоторыхъ частныхъ моментовъ его работы.

1. Желая указать преп. Θεοδору „надлежащее мѣсто въ исторической перспективѣ его времени, чтобы вполне выяснитъ и оцѣнить его личность, дѣятельность, письменные труды и воззрѣнія“ (стрн. 2), г. Доброклонскій разсматриваетъ, „какой отпечатокъ наложила на всемъ этомъ *тогдашняя эпоха* (курс. нашъ), насколько Θεοδоръ удовлетворялъ ея запросамъ, гдѣ шелъ проложенными до него путями и слѣдовалъ за своими предшественниками и объ руку съ современниками, гдѣ опередилъ ихъ и на сколько успѣлъ въ достиженіи своихъ цѣлей“ (тамъ же). Для сего онъ не ограничивается предварительнымъ очеркомъ объ иконоборствѣ 8 вѣка и о вызванныхъ имъ движеніяхъ въ жизни Византіи, но присоединяетъ къ нему довольно обширную (стрн. 4—100) главу о религіозно-нравственныхъ нестроеніяхъ въ грековосточной Церкви *къ 8 вѣку* (курс. нашъ), при чемъ нестроенія эти рисуетъ преимущественно на основаніи документовъ IV—VII вѣковъ. Мы не сомнѣваемся, что въ VIII вѣкѣ въ религіозной и церковнообщественной жизни Византіи было много такихъ недостатковъ, которые являются характерными не только для этого періода времени, но и для цѣлаго ряда предшествующихъ вѣковъ; однако же подробное изложеніе исторіи развитія этихъ недостатковъ и перехода ихъ изъ одного вѣка въ другой вплоть до иконоборческой эпохи ни-

чего не прибавляетъ къ тому, что можно было бы извлечь изъ документовъ (правда, немногочисленныхъ), относящихся именно къ VIII в. По нашему мнѣнію, это даже производитъ нѣкоторую путаницу въ умѣ читателя, который долженъ употребить не малое усиліе, чтобы понять отношеніе между временемъ Григорія Богослова, Василія В., имп. Константина В., Юстиніана, разныхъ помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ, съ одной стороны, и эпохой преп. Θεодора Студ.— съ другой. Кромѣ сего, для читателя и по прочтеніи всего изслѣдованія А. П. Доброклонскаго остается неяснымъ, почему онъ во второй главѣ своего введенія съ такою подробностью излагаетъ полемику между иконопочитателями и иконоборцами, когда изложеніе взглядовъ самого преп. Θεодора по вопросу объ иконопочитаніи онъ относитъ ко второй части своего труда, гдѣ несомнѣнно понадобится новое изложеніе этой полемики для проведенія нужныхъ параллелей. Конечно, все, о чемъ пишетъ авторъ въ первыхъ двухъ главахъ своего введенія, читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, но при чтеніи часто забываешь, что въ изслѣдованіи рѣчь будетъ идти специально о преп. Θεодорѣ Студитѣ.

2. Въ третьей главѣ введенія проф. Доброклонскій говоритъ объ источникахъ для біографіи преп. Θεодора. Наиболѣе интересныя страницы здѣсь посвящены вопросу о происхожденіи, авторахъ, взаимномъ отношеніи и сравнительномъ достоинствѣ двухъ житій преп. Θεодора, давно извѣстныхъ въ печати и цитируемыхъ авторомъ подъ сокращеннымъ названіемъ *Vita A*, *Vita B*, и третьяго житія, *Vita C*, впервые изданнаго авторомъ въ приложеніи къ разбираемому его труду по ркп. Румянцевскаго Музея 12 вѣка.

А и В, по мнѣнію Доброклонскаго, суть передѣлки какого-то раннѣйшаго житія. Въ самомъ текстѣ А и В якобы сохранились слѣды этого въ видѣ явныхъ пропусковъ и скачковъ въ рѣчи. 1) Въ В п. 17 col 256С (цит. по Миню) читаемъ: „писалъ онъ и (καί) папѣ“, между тѣмъ, говоритъ авторъ, раньше не было рѣчи о письмахъ Θεο-

дора къ кому—т. еще... 2) Въ В п. 18 col. 256—257 говорится о восстановленіи общенія между Θεодоромъ и патр. Тарасіемъ и затѣмъ слѣдуетъ сужденіе по поводу распри между ними, однако раньше опять-таки не только ничего не говорилось ни о разрывѣ общенія между ними, ни о винѣ Тарасія въ глазахъ Θεодора, но, напротивъ, сообщалось, что и Тарасій, какъ Θεодоръ, протестовалъ противъ незаконнаго брака императора (п. 14), ради котораго совершился разрывъ. Подобное находитъ авторъ и въ соответствующемъ мѣстѣ А. п. 19, 25—26... 3) Въ В п. 46, col. 301С послѣ рѣчи о предсказаніи смерти Вардѣ непосредственно слѣдуетъ: „отецъ же (ὁ δὲ γὰρ πατὴρ) нашъ Θεодоръ... имѣлъ учениковъ, почти равнявшихся съ нимъ въ страданіяхъ“: несомнѣнный якобы скачекъ. 4) Наконецъ, въ В. п. 58 col 316А читаемъ: „*итакъ*, проживъ въ Птелеяхъ весьма много дней“... Но раньше нигдѣ не называются Птелеи, какъ этапъ на пути Θεодора, что также говорить объ явномъ пропускѣ, по мысли г. Доброклонскаго. Всѣ эти четыре мѣста послѣдній находитъ вполне логически изложенными только въ С. И такъ какъ „въ С тотъ же порядокъ изложенія, что въ А и В; въ этихъ послѣднихъ меньше излишковъ противъ С, чѣмъ противъ другъ друга; иногда С совмѣщаетъ въ себѣ, что одно-сторонне и взаимно-различно представлено въ каждомъ изъ нихъ; фразы взаимно-общія по языку для А и В, за исключеніемъ немногихъ, самыхъ незначительныхъ и безцвѣтныхъ, обычно имѣются и въ С; кромѣ того, въ немъ перемежаются и переплетаются въ соответствующихъ мѣстахъ фразы и слова, общія порознь то съ А, то съ В“: то естественно возникаетъ предположеніе, что или С *позднѣе* А и В и есть синтезъ изъ нихъ обоихъ, или напротивъ С, „либо его оригиналь“, послужилъ прототипомъ и основой для А и В. Первое авторъ отвергаетъ, а второе принимаетъ.

Останавливаясь пока здѣсь, мы должны сказать, что приведенныя выше четыре мѣста изъ В вовсе не таковы, чтобы на нихъ можно было строить предположеніе о зависимости В отъ

С, гдѣ эти мѣста кажутся автору лучше изложенными. *Первое мѣсто* въ контекстѣ читается такъ: ὁ μέγας Θεόδωρος διαβοητότερος καθίσταται, μιμητὴς τοῦ Προδρόμου δεικνόμενος, καὶ Ἰλίου τοῦ Θεσβίτου, οὐ μόνον ἐν τοῖς περιώκiais, ἀλλὰ καὶ πανταχοῦ τῆς οἴκου μένης. Ἐν γὰρ τῇ Θεσσαλονικέων τὸν ἅπαντα χρόνον τῆς Κωνσταντίνου βασιλείας περιφρουρούμενος πόλει, εἰς τὰς ἐξωτάτω χώρας τὰ τῶν ἰδίων κατορθωμάτων ἀπέπεμπε προτερήματα. Γεγράφηκε δὲ καὶ τῷ πάπᾳ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης... Хотя здѣсь и нѣтъ непосредственной рѣчи о письмахъ Θεодора въ разные мѣста, но въ подчеркнутыхъ выраженіяхъ на нихъ имѣется ясный намекъ, такъ что дальнѣйшее γεγράφηκε δὲ καὶ τῷ πάπᾳ становится понятнымъ. С передаетъ все это только проще, согласно основной своей тенденціи. Относительно *второго мѣста* всѣ три житія находятся въ одинаковомъ положеніи, какъ отмѣчаетъ это и г. Доброклонскій; „промежуточное же замѣчаніе“ С: ἐπεὶ μὴ οὕτως (Тарасій) ἐφάνη τῷ ἀθέσμῳ γάμῳ συνευδοκῶν... легко читается между строкъ въ В, автору котораго, какъ чело-вѣку близкому по времени своей жизни къ Θεодору Ст., казалось излишнимъ болѣе подробное разъясненіе того, что всѣмъ было хорошо извѣстно. *Третье мѣсто*, читающееся такъ: ἀλλὰ τὰ μὲν περὶ τούτου τοιοῦτον πέρας εἰδέξαντο. Ὁ δὲ γε Πατὴρ ἡμῶν..., въ отношеніи логики вовсе неуязвимо. Что касается, наконецъ, *четвертаго мѣста* В, гдѣ проф. Доброклонскій видитъ пропускъ названія Птелей, восполняемый С, то здѣсь дѣло обстоитъ не такъ просто. Преп. Θεодоръ, по Vita В, изъ Ксиролофа, гдѣ онъ былъ принятъ тамошними благочестивыми мужами съ почетомъ, ἀμοιβὰδὸν ἐφθαχὼς τοῖς ὁμοροῦσι μέρεσι τα λεγόμενα Λάχκου Μιτάτα καὶ ὑπεδέχθη ἀξίως, καὶ παρ' αὐτοῖς διέτριψεν ἡμέρας ἰκανάς. Здѣсь онъ былъ принятъ и инатомъ Львомъ: ὁ γὰρ τὸν ἁγ. Πατέρα ἡμῶν τῆνικαῦτα ὑποδεξάμενος εὐλαβέστατος ἐνῆρ τοῦνομα Λέων... Далѣе В со словъ Льва передаетъ о чудесахъ, совершенныхъ преп. отцомъ въ это время, при чемъ дѣло представляется такъ, что преп. Θεодоръ имѣлъ пребываніе въ Птелеяхъ: πεπορφῶς (елей) ὡς ἡμῶν ἐξ οὐπερ

ηὐλίξετο χωρίου, Πτελέας προσαγορευομένου (п. 49).. Διατρίβοντας ἔτι τοῦ μ. π. ἢ. εἰς τὴν καθ' ἡμᾶς ἐστίαν τὴν ἐν Πτελέαις (п. 52).
 После повѣствованія о всѣхъ чудесахъ преп. Θεοдора вообще, В дѣлаетъ такой переходъ: διατρίβας τοιγαροῦν ἐν Πτελέαις ὁ μακκρίτης... Гдѣ мѣстоположеніе Λάκκου Μιτάτα и Птелей, съ точностью едва ли можетъ быть указано (ср. А. В. Вуръ, A history of eastern roman empire from the fall of Irene to the ascension Basil I (London, 1912, p. 112, в. 3), но, кажется, довольно ясно, что составитель В первымъ названіемъ обозначаетъ не деревню какую-либо, а цѣлую мѣстность (ἐφθακώς τοῖς μέρεσι), въ которой находились и Птелеи; въ Птелеяхъ, по нему, жилъ ипать Левъ, въ домѣ котораго имѣлъ пребываніе преп. Θεοдоръ. Какъ современнику Льва, ему хорошо было извѣстно географическое положеніе Птелей и Λάκκου Μιτάτα и онъ не видѣлъ надобности говорить о послѣднихъ иначе, чѣмъ онъ сказалъ. Другое дѣло составитель С, принадлежавшій къ позднѣйшимъ поколѣніямъ (τοῖς μετέπειτα): анализируемое мѣсто въ житіи преп. Θεοдора ему казалось нѣсколько неяснымъ и потому онъ сдѣлалъ соотвѣтствующее указаніе на Птелеи. За то въ дальнѣйшемъ у него, по нашему мнѣнію, получается путаница, какой нѣтъ у составителя В. Гдѣ жилъ ипать Левъ? По В, какъ мы видѣли, въ Птелеяхъ, С же помѣщаетъ его домъ, повидимому, въ Λάκκου Μιτάτα вообще, какъ и поселеніе Ксиролофъ (п. 102), а въ повѣствованіяхъ о чудесахъ преп. Θεοдора, кажется, не прочь отождествить самого Льва съ нѣкимъ жителемъ деревни Ἀχυραοῦς, также носившимъ имя Льва.

В.

С.

Ἄνῆρ τις ὀνόματι Λέων ἀπὸ
 χώρας Ἀχυραοῦς οὗτο καλουμένης
 πυνψκε...
 πυνψκε...

Κώμη τις ἐστὶ, Ἀχυραοῦς κα-
 λουμένη ἔν ταύτῃ κατῴκε (ι) Λέων
 ἐκεῖνος... (п. 106 ср. 109).

Такимъ образомъ, на основаніи разобранныхъ четырехъ мѣстъ едва ли можно вести рѣчь о какихъ-либо пропускахъ въ В и о преимуществѣ въ отношеніи полноты и логики С предъ В. Но въ такомъ случаѣ сильно колеблется приоритетъ С или его „оригинала“. Другіе второстепенные аргументы въ пользу этого приоритета намъ кажутся довольно искусственными. Профессоръ Доброклонскій отказывается признать С передѣлкой А и В, синтезомъ ихъ, по слѣдующимъ основаніямъ. „Во первыхъ, та сложная и искусственная работа, какая требовалась отъ автора для подобнаго синтеза, могла бы искупаться какою-либо серьезною цѣлью; но такой не усматривается изъ текста С. Если авторъ гнался за синтетическимъ подборомъ словъ и выраженій, то это—несерьезная, ненужная и бесплодная задача; если же стремился къ полной сводкѣ біографическаго матеріала, то почему не внесъ все, что есть излишняго въ А и В? Во—вторыхъ, если авторъ С такъ синтезируетъ А и В, что въ однихъ случаяхъ сохраняетъ общія для А и В фразы, въ другихъ беретъ ихъ слова въ перемежку то изъ одного, то изъ другого, въ третьихъ перефразируетъ ихъ и т. д., то естественно случилось бы такъ, что не всѣ, болѣе или менѣе значительныя, фразы, общія для А и В перешли на страницы С и нѣкоторыя были бы передѣланы; но въ дѣйствительности мы видимъ иное. Такъ же легко могло бы случиться, что авторъ С проглядѣлъ бы и повторилъ бы тѣ пропуски и скачки, какіе мы видимъ въ А и В: но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Гораздо проще и естественнѣе—заключаетъ г. Доброклонскій,—что А и В есть передѣлка С или его оригинала“ (стрн. 195). Но первое положеніе въ этомъ разсужденіи легко можетъ быть обращено своимъ остриемъ противъ С въ пользу В, второе же вращается въ области однихъ предположеній автора, которыхъ составитель С почему то не захотѣлъ осуществить.

Такъ какъ С въ томъ видѣ, въ какомъ издаетъ его проф. Доброклонскій, несомнѣнно болѣе поздняго происхожденія,

чѣмъ В, то, чтобы все таки отстоять его пріоритетъ по существу, онъ говоритъ о какомъ-то оригиналѣ С. Но пока такого оригинала не найдено, о немъ нельзя и говорить; да и какъ мы должны представлять себѣ оригиналъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, напр., составитель С относить себя къ позднѣйшимъ родамъ? Насколько послѣдній вообще измѣнить этотъ оригиналъ?

Не естественнѣе ли думать, что авторъ С, знакомый съ А и В, захотѣлъ написать на основаніи послѣднихъ такое новое житіе, которое представляло бы собою болѣе простое и болѣе краткое изложеніе общеизвѣстнаго біографическаго матеріала? По сравненію съ В и А, С дѣйствительно значительно проще, удобопонятнѣе и по мѣстамъ нѣсколько короче.

3. При изложеніи аскетическихъ взглядовъ преп. Θεодора и описаніи порядковъ монастырской жизни, введенныхъ имъ въ студійской обители, А. П. Доброклонскій считаетъ необходимымъ въ обширнѣйшихъ примѣчаніяхъ указывать параллели къ мнѣніямъ преп. отца въ безбрежной аскетической литературѣ древности. Его тщательность и усердіе въ этомъ отношеніи изумительны, хотя у него и были предшественники. Въ одномъ мѣстѣ (стрн. 510, пр. 5) онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „даже частныя мысли и правила Θεодора (относительно отсѣченія воли и послушанія иноковъ), изложенныя нами, *всѣ можно находить тамъ* (въ древнеаскетической литературѣ)“. Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что проф. Доброклонскій и во всѣхъ другихъ случаяхъ „даже частныя мысли и правила“ преп. Θεодора старается поставить въ связь съ тѣмъ, что было. Конечно, противъ этого метода по существу возражать не приходится, но въ отношеніи къ преп. Θεодору онъ имѣетъ ту невыгодную сторону, что создаетъ впечатлѣніе, будто этотъ св. подвижникъ все заимствовалъ у древнихъ аскетовъ. Въ частности,

принятая авторомъ система голыхъ цитатъ, безъ приведенія соотвѣствующихъ выдержекъ изъ подлиннаго текста, является малопривлекательной для рекомендуемаго читателямъ сопоставленія данныхъ взглядовъ съ параллельными у другихъ писателей. Это чувствуетъ и самъ авторъ, когда, для опредѣленія сходства между аскетическими воззрѣнiями Василия В. и Θεодора Ст., отсылаетъ читателя къ предлагаемымъ имъ подстрочнымъ параллелямъ, и затѣмъ говоритъ: „кто не удовлетворится этимъ и захочетъ, въ дополненiе къ нашимъ параллелямъ изъ Василия, разбитымъ по частямъ, и б. м., теряющимся среди другихъ параллелей, имѣть общую картину сходства между Θεодоромъ и Василиемъ, тѣмъ рекомендуемъ, прочитавъ наше дальнѣйшее (стрн. 431—562) изложенiе взглядовъ и правилъ Θεодора, непосредственно затѣмъ прочитать изложенiе „устава“ св. Василия въ собранiи еп. Теофана: „Древнiе иноч. уставы“; несомнѣнно получится впечатлѣнiе ихъ взаимной близости и общности“. Последнее, конечно, неоспоримо, но безчисленное множество параллелей изъ другихъ писателей, среди которыхъ теряется имя св. Василия, повидимому, устанавливаютъ такую же литературную близость преп. Θεодора и къ этимъ другимъ писателямъ и и даже зависимость его отъ нихъ, а последнее уже едва ли справедливо по существу.

4. Критикуя (стрн. 525, пр. 2) прежнiя попытки возстановить студ. календарь времени преп. Θεодора, проф. Доброклонскiй считаетъ ошибкой пользоваться для этого, рядомъ съ творенiями Θεодора, „позднѣйшими надписанiями его оглас. поученiй (хотя бы по ркп. X“, приведенными—скажемъ отъ себя—у Аугстау въ его изданiи Малаго Кат. преп. Θεодора) и предлагаетъ свою новую попытку, причемъ такъ опредѣляетъ свой методъ: „суммируя данныя изъ оглас. поученiй, похвальныхъ словъ и писемъ самого Θεодора, отчасти изъ окружающаго посланiя Навкратiя, а для опредѣленiя числовыхъ датъ пользуясь показанiями студiйскихъ мѣсяцеслововъ, надписанiями

огласительныхъ поученій Θεодора въ рукописяхъ (см. у Anstай) и отчасти мѣсяцесловомъ Констант. церкви VIII—IX в., изд. Z. A. Morcelli, мы даемъ слѣдующій календарь“!... Чѣмъ этотъ методъ разнится отъ забракованнаго авторомъ? Пользованіе надписаніями поученій въ древнѣйшихъ ркпп. оказывается въ данномъ случаѣ единственно возможнымъ приѣмомъ и, какъ показалъ самъ г. Доброклонскій, отъ него только и можно ожидать хорошихъ результатовъ.

Б. Относительно кон-польскаго собора 808—9 года, обсуждавшаго вопросъ о т. н. махіанскихъ волненіяхъ, А. П. Доброклонскій пишетъ (стрн. 630—1) между прочимъ слѣдующее: „убѣдившись въ ихъ (студитовъ) упорствѣ, императоръ приказалъ патриарху (Никифору) созвать соборъ (курс. нашъ)... Соборъ состоялся въ концѣ 808 или въ январѣ 809 г. Здѣсь было множество епископовъ, игуменовъ и трое свѣтскихъ вельможъ: *самъ патриархъ, по всей вѣроятности, не присутствовалъ*“ (курс. нашъ). Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту онъ аргументируетъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ. „Ни Теофанъ, ни Θ. Ст., которые оставили свѣдѣнія о составѣ собора, не упоминаютъ о присутствіи патриарха; въ Ер. I, 37 col. 1040 D Θεодоръ говоритъ о епископахъ *προάρξασι τῆς συνόδου*, а не о патриархѣ *προάρξαντι*. Если письмо Θεодора къ патр. Никифору I, 30 относится ко времени послѣ собора 808—9, какъ мы предполагаемъ, то въ началѣ этого письма col. 1005 находимъ новое свидѣтельство, что патриархъ не былъ на соборѣ“. Такъ какъ вопросъ о присутствіи п. Никифора на соборѣ 808—9 г. имѣетъ громадное значеніе въ исторіи вызванныхъ имъ волненій, то его слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, довести до полной ясности. До сихъ поръ не было сомнѣнія, что Никифоръ, которому одному принадлежало право созыва *τῆς συνόδου ἐνδημοῦτης* и которому императоръ приказалъ созвать соборъ, дѣйствительно присутствовалъ на послѣднемъ и руководилъ его засѣданіями. Правда, Теофанъ и Θεодоръ Ст. объ этомъ опредѣленно не говорятъ,

но вѣдь если бы соборъ происходилъ безъ участія Никифора, то это обстоятельство уже несомнѣнно было-бы отмѣчено всѣми; оно сочтено было бы выдающимся событіемъ, и преп. Феодоръ не преминулъ бы использовать его въ своей полемикѣ противъ мэхіанъ. Если же онъ тѣмъ не менѣе молчитъ объ этомъ и въ своихъ полемическихъ письмахъ называетъ соборъ 808—9 *συνέδριον μοιχομένων*, а патриарха—*πρωτομοιχευίας*, то это уже почти неопровержимое доказательство, что изслѣдователи до сихъ поръ правильно представляли дѣло, нисколько не впадалъ въ произволъ. *Προάρξασι τῆς συνόδου* вмѣсто *προάρξαντι* малоубѣдительно, п. ч. въ Ер. I, 37 преп. Феодоръ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, говоритъ объ отвѣтственности предъ бож. законами всѣхъ епископовъ, присутствовавшихъ и засѣдавшихъ (ср. стрн. 664, 5 стрк. сл.) на соборѣ, *συνκαθεζομένων καὶ τριῶν τῶν μεγίστων ἀξιωματῶν*, а не одного только патриарха. Относительно же Ер. I, 30 мы пока воздерживаемся говорить, п. ч. намъ неизвѣстны основанія, по которымъ проф. Доброклонскій, вопреки утвердившемуся мнѣнію, относитъ его ко времени послѣ собора 808—9 г.

Волненія изъ-за эконома Іосифа и постановленій собора 808—9 г. окончились примиреніемъ враждовавшихъ сторонъ въ царствованіе Михаила I Рангаве, въ 811 или, какъ думаетъ проф. Доброклонскій, въ 812 году. Этому примиренію, по мнѣнію Доброклонскаго, предшествовалъ особый соборъ. „Наши источники, говорятъ онъ (стрн. 687), совсѣмъ не упоминаютъ о соборѣ, но онъ былъ неотложно нуженъ, п. ч. соборное рѣшеніе о прелюбодѣйномъ бракѣ, объ экономѣ Іосифѣ, о Феодорѣ и др. могло быть пересмотрѣно и отмѣнено только соборомъ, такъ что акту примиренія должны были предшествовать „соборныя разсужденія“. Вопросъ также существенно важный,—но есть ли какія-либо данныя для рѣшенія его, кромѣ приведеннаго соображенія общаго характера? Къ сожалѣнію, въ пользу мнѣнія автора больше ничего нельзя при-

вести, за то противъ него имѣются весьма сильные аргументы. Не касаясь *Maïi Spicil. Rom. VI, p. XXIV—XXV, Method. Syll. de vit. schism. n. II, p. 255, и Narrat. de Tar. et Niceph. 1853.* СД, допускающихъ толкованіе неблагопріятное для признаваемого г. Доброклонскимъ собора, мы укажемъ на письмо преп. Θεοδора къ его дух. сыну Григорію, соблазнявшемуся тѣмъ, что Θεοδορѣ вступилъ въ общеніе съ патриархомъ *безъ собора*. Относящееся сюда мѣсто читается такъ: εἶτα τί τὸ διαήρρηξαν; ὅτι τῶν διωξάντων καταποθέντων, καὶ τοῦ σκανδάλου ἐκ ποδῶν ἀρθέντος, σύμβασιν ἐποιήσαμεθα μετὰ τοῦ ἀρχιερέως· ὃ τῆς ἐκκλησίας καὶ τί ἐβούλου ἵνα, φησὶν, ἐγγύετο σύνοδος καὶ καθηρέθη τὸ αἴτιον· καὶ τίς ὁ συνεδρεῶν ἢ καθαιρῶν οὐχ ὀρθῶς ἀνένδεχτα λέγων (Er. Maïi, 190, p. 163)?

6. Авторъ много вниманія удѣлилъ въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія изложенію теорій *ἀκριβείας* и *οἰκονομίας* и, говоря объ оппозиціи преп. Θεοδора патриархамъ Тарасію и Никифору по вопросу о незаконномъ бракѣ Константина VІ съ Θεοδοτῆю, старается оправдать ее не только съ точки зрѣнія личныхъ мотивовъ преп. Θεοдора въ этомъ дѣлѣ, но и съ точки зрѣнія общихъ принциповъ *ἀκριβείας* и *οἰκονομίας*. „Экономисты, пишетъ онъ (стрн. 699), смотрѣли въ сторону отъ точной буквы ц. канона къ измѣнчивымъ условіямъ на стоящей жизни, тяготѣли къ измѣняемости дисциплины вмѣсто непреложности ея, къ послабленію ея требованій вмѣсто ригоризма; зилоты (=акривисты)—на оборотъ. *Γότ же правда* (курс. нашъ)?... *Вѣ правъ ли былъ Θεοδορѣ отдѣляться отъ общенія съ патриархомъ* (курс. нашъ) и другими инакомыслящими по этому дѣлу, или же, отдѣляясь, онъ становился виновнымъ въ расколѣ и справедливо подлежалъ суду?« По нашему мнѣнію, такая постановка вопроса едва ли можетъ привести къ удовлетворительнымъ и безспорнымъ результатамъ. *Ἀκριβεια* и *οἰκονομία*, какъ особія направленія церковной политики Византіи, только доведенныя до крайности, становились враждебны другъ другу, вызывая пререканія.

споры и борьбу партій; когда же онѣ оставались въ предѣлахъ дозволенности, онѣ были плодотворны для развитія п. жизни. Но гдѣ же кончались границы дозволеннаго и начиналась область произвола, злоупотребленій? Законодательные памятники этого не опредѣляли, п. ч. по существу и невозможно было опредѣлить, но въ каждомъ конкретномъ случаѣ отвѣтъ подсказывался совокупностью всѣхъ причастныхъ къ нему обстоятельствъ, всей его обстановки. И такъ какъ эта обстановка не всегда могла быть доступна пониманію церковно-общественныхъ дѣятелей Византіи во всѣхъ своихъ деталяхъ, то отсюда и происходили недоразумѣнія и споры: различныя точки зрѣнія на данное событіе дѣлили людей на противоположныя и враждебныя другъ другу партіи. Конечно, бывали случаи (какъ, напр., въ 14 в.), когда партіи вели между собою ожесточенную борьбу, преслѣдуя только личные интересы и нисколько не заботясь объ общемъ благѣ Церкви; *ἀκρίβεια* и *οἰκονομία* въ такихъ случаяхъ только прикрывали собою эгоистическія вождѣленія отдѣльныхъ лицъ. Но мы знаемъ, что церковно-общественные дѣятели иногда стояли во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу потому, что одинаково искренно болѣли о нуждахъ Церкви, одинаково искали ея блага, защищали ея интересы, но неодинаково оцѣнивали данное положеніе дѣль. Въ отношеніи къ такимъ дѣтелямъ задача историка заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы выяснитъ ихъ личные взгляды на спорные вопросы и показать, какими внутренними мотивами руководствовались они, защищая свою точку зрѣнія: этимъ достигается оправданіе ихъ дѣятельности. Если же мы поставимъ вопросъ объ общихъ принципахъ этой дѣятельности, объ абсолютной правдѣ, то само собою понятно, что одна сторона окажется правой, а другая виновной. Если правда на сторонѣ преп. Феодора, то, значитъ, должна быть осуждена дѣятельность патр. Тарасія и Никифора?...

Другое дѣло—что для Византіи было выгоднѣе: *ἀκρίβεια* Θεοδώρα Ст. или же *οἰκονομία* Тарасія и Никифора? Мы имѣемъ здѣсь возможность разсуждать на основаніи послѣдующей исторіи Византіи и рѣшать вопросъ въ ту или другую сторону, безобидно для памяти названныхъ святыхъ мужей. Къ сожалѣнію только, всякое наше сужденіе въ этой области всегда будетъ носить характеръ субъективный, потому что показанія исторіи на этотъ счетъ, конечно, односторонни.

1 марта 1914 г.

Прот. Н. Г.